

4. Кислов Н.В. Пневматический транспорт торфяного производства. – Мн., 1985 – 80 с.

5. Юренев В.Н., Лебедев П.Д. Теплотехнический справочник. – М., 1975. – Т.1. – С.116.

6. Березовский Н.И., Борисейко В.В. Инновационные энерго- и ресурсосберегающие технологии производства брикетов из торфа // Горная механика и машиностроение, 2014. – №1. – С. 48-55.

7. Березовский Н.И., Борисейко В.В. Энергосберегающие аспирационные системы паротрубчатых сушилок для производства топливных брикетов // Горная механика и машиностроение, 2017. – №1. – С. 31-36.

УДК 338.1(1-67 ЕАЭС)

РИСКОГЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕАЭС

Г.М. Бровка, Е.О. Щербакова

Белорусский национальный технический университет

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – это международное интеграционное объединение, в состав которого входят Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Армения, Киргизская Республика. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов.

Глобальные изменения, ознаменовавшие конец XX – начало XXI вв., поставили мир перед лицом новой социальной и экономической реальности, характеристиками которой признаны, в том числе неопределенность и риски, ставшие инверсным результатом попытки человечества поставить под контроль свое настоящее и будущее. Риск – как социальный контекст, мобилизующая динамика общества, стремящегося к самоизменению и переменам, желающего самостоятельно определять свое будущее, а не полагаясь на религию, традиции или фатальность природной стихии. Согласно точке зрения Э. Гидденса, «понятие риска становится центральным в обществе, которое порывает с прошлым и открывается проблематичному будущему» [2]. Глобализация мирового пространства детерминирует повышенную рискогенность современного общества в интерзависимом, открытом мировом пространстве. Современное общество рискогенно, хотим мы этого или нет: сегодня даже бездействие чревато риском [3].

Следует учитывать, что тенденции к региональной интеграции и глобализации демонстрируют взаимозависимость мирового экономического пространства и открытость социальных систем, но они, же выступают катализатором производства и воспроизводства рисков. Идея риска тесно связана с современностью, ведь даже сам термин «риск» в современном его значении зародился в «ориентированном на будущее обществе», в котором опасности оцениваются в проекции будущих возможностей [3]. Се-

годня проблема риска и безопасности все более актуальна ввиду невозможности контролировать будущее и обеспечивать безопасное протекание инновационных процессов.

Безопасность требует стабильности существующего положения, ограничения и минимизации рисков. Реальная взаимосвязь между развитием и безопасностью носит сложный диалектический характер. Развитие и безопасность – это две стороны общего процесса жизни общества и государства. И, если развитие определяет стремление к более совершенному мироустройству, то безопасность призвана обеспечить развитие, защитить его от различного вида вызовов и угроз (военных, социально-политических, экономических, энергетических, экологических, техногенных и т.д.). В этих условиях сосредоточение внимания на укреплении политической, правовой, экономической интеграции в рамках ЕАЭС следует признать недостаточным без развития образовательной и научной составляющих [1].

Помимо привычного внешнего риска, продуцируемого природой, появился производный риск, продуцируемый вмешательством человека и не поддающийся прогнозированию. Отсюда вытекает постоянная необходимость поиска способов минимизации рисков и воздействия на риски в благоприятных для общественного развития направлениях.

Анализ основных процессов ЕАЭС показал, что при построении рискогенной модели данного экономического сообщества необходимо учитывать специфику истории восточноевропейских и азиатских государств, связанную с функционированием и распадом СССР. У ЕАЭС как у «общества риска» можно выделить институциональное и функциональное измерения [4]. Институциональное измерение «общества риска» отмечено тем, что:

- историко-культурный контекст реформ определен доминированием парадигмы «системной исключительности», то есть системы ценностей, ориентированной на сохранение постсоветского государственного института;
- переход стран-участниц ЕАЭС к рынку породил новые социальные и экологические риски;
- внедрение в реальную жизнь и реальную экономику инновационных технологий, особенно в сфере информатизации привело к появлению инновационных рисков и угроз (инновационные технологии в энергетике, энергетическая безопасность);
- формирование цифровой экономики и применение в жизнедеятельности общества и отдельных граждан высоких технологий и электронных услуг, что привело к развитию рисков и угроз в информационной сфере;
- форсированная маркетизация есть не что иное, как всеохватывающий социально-экономический риск;
- производство рисков, будучи делом прибыльным, стало, в конечном счете одним из ценностных ориентиров новой экономической и политической элиты;
- разрушение ценностной системы советского общества и замена ее на систему ценностей прозападного образца увеличило социальные риски;

– риск превратился в «норму» повседневной жизни. Отсюда стабильность и безопасность, а не изменение и развитие становятся главными ценностными ориентирами;

– в ходе реформ сформировалась и имеет тенденцию к институционализации обширная контр-модернизационная среда;

– наука как социальный институт находится в глубоком кризисе.

Функциональное измерение ЕАЭС определяет, что:

– демодернизация производства и общества столь же рискогенны, как и форсированная или нерелефлексированная модернизация;

– экономическая и политическая стабилизация (устойчивость) общества достигается за счет демодернизации, возврата к архаическим формам социальной организации;

– демодернизация и дезинтеграция общества сопровождаются выделением «энергии распада» (беженцы, вынужденные мигранты, бездомные, криминальные и нелегальные воинские формирования);

– «энергия распада» не отождествима с отклоняющимся поведением, хотя и может принимать его формы;

– эта энергия постепенно институционализируется в форме теневых и криминальных сообществ;

– потенциал самоорганизации общества, а вместе с ним – способность к продуцированию инициатив, снижается;

– несущая способность природной и социальной среды снижается. Эта среда все чаще выступает в качестве источника социальных рисков;

– изношенные технические системы жизнеобеспечения также повседневно чреваты рисками для здоровья и жизни;

– процессы самообучения кланово-корпоративных структур ориентированы исключительно на самозащиту. Быстро растут государственные и частные охранные структуры;

– оборонное сознание, свойственное советским временам, вновь культивируется некоторыми официальными структурами.

Риски современных обществ, входящих в состав ЕАЭС, не ограничены во времени и пространстве в силу глобализации рисков. Они охватывают природную, социальную, экономическую, политическую, энергетическую, информационную, научно-образовательную и технологическую среды. Так, развитие рисков и угроз в информационной сфере с внедрением в жизнь цифровой экономики, высоких технологий является важнейшим фактором постоянно расширяющегося внимания к проблемам информационной и инновационной безопасности. Особенно заметно рискам подвергается население в связи с широким распространением Интернета, социальных сетей, повсеместным использованием мобильных устройств. Под угрозой находятся миллионы пользователей информационно-коммуникационных технологий.

Можно выделить угрозы национальной безопасности в связи с цифровой революцией:

– кибертерроризм и кибершпионаж, ведущиеся против России США, их союзниками, а также другими странами и иностранными террористическими и преступными организациями, а также отдельными лицами и группами лиц;

– те же угрозы со стороны внутренних преступных сообществ, террористических организаций, радикальных религиозных, нацистских и прочих экстремистских группировок и антигосударственных сил;

– уход от налогообложения, незаконный вывоз капитала, отмывание преступно полученных доходов с использованием криптовалют;

– осуществление незаконной предпринимательской деятельности посредством использования сети Интернет, включая электронную торговлю и финансовые услуги [1].

Серьезной угрозой социальной безопасности признается рост безработицы в связи с роботизацией рабочих мест, автоматизацией управленческих процессов, растущим применением 3D принтеров. Но, как показывает трехсотлетний опыт современного промышленного развития, эта угроза частично нейтрализуется другими факторами. К примеру, наряду с застойной безработицей в одних отраслях, всегда есть нехватка рабочей силы в других.

Политической проблемой и риском может стать использование цифровых технологий в сфере государственного контроля. К примеру, применение технологии блокчейн делает невозможным фальсификацию регистрационных документов, подделку разрешительных документов, переделку «задним числом» проверочных актов.

Инновационные риски напрямую связаны с понятием «энергетическая безопасность», поскольку необходимо признать невозможность развития энергетического комплекса без инноваций, т.е. без использования информационно-коммуникационных технологий, нанотехнологий, разработки новых материалов, повышения надежности и эффективности энергетического оборудования, создания новых источников энергии, повышения качества человеческого потенциала, занятого в этой сфере, и т.п. [1].

Одним из положительных примеров деятельности по использованию инновационных технологий в энергетике, а, следовательно, и обеспечению энергетической безопасности государств ЕАЭС является многолетняя работа Научного Центра «Износостойкость» МЭИ, ранее НЦ «Повышения износостойкости энергетического оборудования электростанций» РАО «ЕЭС». Так, разработка и внедрение инновационных технологий: на основе использования свойств поверхностно-активных веществ (ПАВ); технологий формирования ионно-плазменных металлических покрытий в вакууме; создание теплоизоляционных конструкций на основе вакуумных микросфер и др., позволяющих существенно повышать энергоэффективность и надежность энергетического оборудования, наглядно демонстрирует крайнюю необходимость в современных экономических условиях поддержки и развития подобных инновационных центров (технопарков)

как со стороны государств ЕАЭС, так и со стороны собственников энергетических объектов.

Современные риски не предполагают наличие конкретного виновника. Как метафорически отмечают газетные издания, это риски «коллективной ответственности или безответственности». Риски не воспринимаемы органами чувств: последние воспринимаются и осмысливаются только через знание. Риски стран ЕАЭС некомпенсируемы. Например, даже сложно представить, как можно в одночасье решить проблему неудовлетворительного радиационного фона, сокращения продолжительности жизни и др. Современные риски имеют демократичный характер: в конечном счете, риск настигает тех, кто его производит. Современные риски рождают новые формы неравенства в обществе: одни производят риски, другие вынуждены их потреблять, жить в рискогенной среде. Риски не калькулируемы в соответствии с существующими правилами, пытающимися «усмирить» риск, но в итоге только лишь создающие видимость. Например, система страхования, техники безопасности и др. Производство рисков изменяет политическую систему общества.

Выделим следующие типы рисков, свойственные ЕАЭС как «обществу риска»: социогенные (порождаемые процессами жизнедеятельности самого общества, его развития, распада или перехода в качественно новое состояние); геополитические (порожденные идеологией политического режима); средовые (порождаемые самой природной средой); идеологические (порожденные приоритетом идеологии над культурой, а системы над человеком); информационные (возникающие при формировании цифровой экономики); инновационные (возникшие с внедрением в реальную и экономику инновационных технологий).

Список использованных источников

1. Бровка Г.М. Инновационное развитие и национальная безопасность. – Мн.: РИВЦ, 2017. – С. 280.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS, 1994. – № 5. – С. 107-134.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005. – 426 с.
4. Renn O. Concepts of Risk: A Classification // Social Theories of Risk. – N.Y., 1992. – Pp. 53–79.